

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ А. ФАДЕЕВА

Говорит и по-
казывает
своего
своего, 1986.

ПОНЕДЕЛЬНИК,
22 ДЕКАБРЯ,
1 ПРОГРАММА, 13.10;
РО-4—11.10;
РО-3—9.10;
РО-2—7.10;
РО-1—7.10

22-31 дек. 1986-86.

А. А. Фадеев, 1949 г.
Фотография публикуется
впервые.

Известно, что писатели масштаба Фадеева — не только их книги. Хотя именно в «Разгроме», ошеломляющем своей ранней авторской совершенностью, в незаконченных романах «Последний из удаче» и «Черная металлургия», отразивших годы мучительного творческого и человеческого поиска, в книгах народного ратного подвига — «Ленинград в дни блокады» и «Молодая гвардия» — воплотились талант и душа их создателя. Но Фадеев и вне художественной строки оставался самим собой: и в прямой и острой, как клинок, публицистике, и в трибунном слове, и в каждом письме. Все, по словам современников, он, не задумываясь, брал на сердце, все возводил в наивысшую степень, «сверхмеру» остроты личного ощущения.

Илья Эренбург, заканчивая воспоминания о Фадееве, подытоживает: «Роста он был большого, выделялся на общем фоне. Да и человеком был большим — и в беспощадности, и в нежности, и в вере, и в беде».

А каким Фадеев был в жизни?.. Вот это привело нас к секретарю Александра Александровича — Валерии Иосифовне Зарахани, многие годы работавшей с писателем. Началась ее работа с Фадеевым в первые дни войны. Круг обязанностей у писателя стал необъятным: депутатские обязанности, глава Союза советских писателей, редактор газеты «Литература и искусство», фронтовой корреспондент «Правды». А литературное творчество устремилось по разным руслам: публицистические статьи, очерки, размышления о современной литературе, работа над книгами, одна из которых — «Молодая гвардия» — станет синонимом его имени...

— Вот в эти напряженные для него дни он позвонил мне и спросил, как всегда, просто и прямо: «Хочешь у меня работать?» «Да хотеть-то я хочу, но справлюсь ли?» Он без паузы произнес: «Справишься».

— Трудно было начинать, Валерия Иосифовна?

— Поначалу ошеломила лавина почты, вырезок, телефонных звонков. Фадеев со столькими людьми встречался, столько хотел узнать и успеть привести в какую-то систему, так серьезно относился к сбору материала, книг по различным областям знаний, что его квартира в Москве и дача в Переделкине напоминали публичную библиотеку или архив.

— Как же, когда он все успевал?

— Работал он азартно, в жизнь буквально вгрызался. Он знал не только литературу — классическую и современную, нашу и зарубежную... Музыка, живопись, архитектура, театр...

Валерия Иосифовна берет со стола объемистый фолиант. Книга называется «За тридцать лет». Это итог, который подводил зрелый Фадеев. Темы, о которых ведет речь писатель, неисчислимы. Он встречает новые стихи молодого тогда Р. Гамзатова — добрая и пророческая оценка. Он слышит голос Пашенной — письмо актрисе. Он на концерте Софроницкого — отзыв, тонкий, чуткий, без музыковедческих огрехов. Звучит Пятая Шостаковича. Фадеев так пишет об этой «непростой для души и слуха» симфонии: «Изумительной силы. Прекрасная третья часть. Но конец звучит не как выход (и тем более не как торжество или победа), а как наказание или месть кому-то. Страшная сила эмоционального воздействия, но сила трагическая. Вызывает чувства тяжелые!»

— В каких условиях любил писать Фадеев?

— Московской квартире он предпочитал уединение дачи. Там рождалась художественная проза. Писал он трудно, обстоятельно, медленно. Был к себе беспощадно самокритичен и бесжалостен. А в Москве любил делать, так сказать, предварительную работу, проглядывал вырезки, которые я раскладывала по 57 папкам. Каких там только не было материалов! И о международной жизни, и внутрисоюзной, и специальные статьи по теме его книги «Черная металлургия», и папки «Комсомол», «Пионеры», «Профсоюз», «Школа», «Студенты», «Вопросы технического прогресса», «Экономика предприятий»... Всю эту классификацию он придумал сам... Особое внимание он уделял почте. Он говорил, что любое письмо нужно открыть немедленно. За строчкой может быть все. Часто Александр Александрович диктовал мне ответ. Он умел так читать, что ни одного слова не нужно было править. Все конкретно, сжато, ясно... Большинство писем, адресованных мне, начинались с просьбы проследить за авторской правкой его книг. Например, в письме от 19 января 1953 года Фадеев снова озабочен перенесением правки в переиздающийся экземпляр «Молодой гвардии»: «Пройдут годы, — писал он, — и вообще трудно будет вспомнить, как все это было, — все экземпляры со старинной правкой будут справочным материалом».

— Фадеев чаще говорил или слушал?

— Слушал, пожалуй, больше. Выражение его лица спокойно, внимательно, терпеливо. О себе не любил говорить. Вообще разговаривать его было особым искусством. Но если Фадеев давал оценку, это были честность взгляда и доброжелательность, умение очеловечить любые жизненные ситуации. Все это наполняло его печатные отклики, которые свидетельствовали не о том, сколько у него было друзей, а сколько их у него могло быть.

«Писал много, а написал мало», — сокрушался Фадеев. Да, большой писатель всегда меньше своих замыслов. И книг, которые оставил нам, да и жизни, которую прожил. Ему было пятьдесят пять. Писатель, коммунист, гражданин, политический деятель... И во всем всегда он был настоящим.

Передача приурочена к 85-летию со дня рождения А. А. Фадеева. Страницы его романов читают артисты московских театров.

В. ГУСАРОВ